

устройства видели в казацких традициях управления государством и центром будущего объединения славян считали Украину². Тем не менее, и декабристы, и представители интеллигенции 1830–1840 гг. связывали идеи освобождения своего народа от крепостной зависимости со стремлением многих родственных народов к национальной и социальной независимости, а следовательно, стремились объединить свои силы и попытаться связать их определенной «единой целью». Однако широкого распространения данные идеи в российском обществе того времени не получили. Тем не менее, идея объединения славян в одном государстве спустя некоторое время стала концептуальной базой формирования панславизма, рассмотрение которого, на наш взгляд, является темой отдельного исследования.

Примечания

¹ Горбачевский И.И. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. 576 с.

² Манойленко А.С. «Спор славян между собою»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб., 2015. 320 с.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.2

И. А. Ксенофонтов

Франтишек Ладислав Ригер в поисках зарубежных союзников в 1867–1871 гг.

Зарубежная деятельность Франтишека Ладислава Ригера (1818–1903) была продолжением внутривосточной линии чешского политика. Потерпев неудачу в попытках предотвратить дуализацию монархии Габсбургов в 1867 г., не найдя поддержки идеи федерализации империи среди элит, Ригер попытался заявить о своей программе на международном уровне¹.

Почему Ригер выбрал именно Россию и Францию в качестве своих потенциальных союзников?

Рассматривая международные отношения того периода, можно выделить несколько ключевых тенденций. Главными из них были: ухудшение отношений между Австрией и Россией, продолжавшееся по инерции после Крымской войны, поражение Австрии в австро-прусской войне в 1866 г. (и политическое «вытеснение» ее из Германского союза), мощное усиление Пруссии, ухудшение ее отношений с Францией и одновременно сближение с Россией, тенденции к сближению Австрии и Франции (вплоть до устных договоренностей о союзе), поражение Франции во франко-прусской войне (1870–1871 гг.)².

Таким образом, одна из причин начала взаимодействия чешской элиты с Россией — это политическая демонстрация. По мнению чехов, если Вена игнорирует их требования, то уместно открыто налаживать контакты с ее политическим оппонентом.

Исходя из анализа политических выступлений Ригера в сейме, можно сделать вывод о его настроениях. Он был убежден, что славянский элемент обязан получить достойное место в структуре империи. Прославянская политика должна была оказывать влияние на внешнеполитический курс монархии Габсбургов³. Чешские политики считали, что в такой ситуации австрийские славяне могли активным образом развивать связи и сотрудничество с Россией как с родственной славянской державой. В свою очередь, Российская империя должна была помочь им в достижении поставленных целей дипломатическим давлением и, прежде всего, демонстрацией интереса к славянам монархии Габсбургов⁴. В этот период вопрос о единстве и сплоченности славянских народов, имел довольно весомое значение в заявлениях политиков Национальной партии⁵.

В жизни монархии Габсбургов, когда чехи чувствовали себя политически достаточно сильными, у них преобладали ценности австрославизма⁶. Но чем яснее чешские политики осознавали игнорирование своих требований и постепенное

торжество дуализма, тем больше они воспринимали Россию как естественного защитника чешских интересов⁷.

Чешские либералы полагали, что если уж что-то совершается в ущерб какого бы то ни было славянского народа, то «русское правительство должно было выступить против таких действий в интересах собственного государства и русского народа»⁸. Эта идея славянства давала чехам ощущение, что они не одни, за их спиной — славянские народы во главе с Россией.

Ставка на Россию объясняется еще и тем, что чешские политики допускали скорое крушение монархии Габсбургов вследствие установления дуализма. В результате этого чешские земли, по их мнению, могли быть присоединены Пруссией⁹, и Ригер боялся, что Россия может проигнорировать данный шаг. С такой концепцией чешские политики и ехали в Россию в 1867 г. для зондирования почвы по этому вопросу. В дальнейшем предполагалось заключение возможного государственного союза чешских земель с Россией как гаранта их независимости и целостности¹⁰. Таким образом, надежды на Россию мотивировались и страхом перед германизацией, который заметно усилился после победы Пруссии в войне 1866 г.¹¹.

Именно экзистенциальный страх перед германизацией, который преследовал чешский народ еще со Средневековья, логично подталкивал его элиту к союзу с Францией. Ведь именно она представлялась еще одним антагонистом для германского мира. Ставка на Францию объяснялась также личностью Наполеона III, который на словах стремился реализовать принцип национальности в политике.

Активизация контактов с Францией осложнялась тем, что с этой страной, в отличие от России, у чехов не было на тот момент таких глубоких культурных и общественных контактов. Если русофильство в чешских землях в это время усиливалось, то франкофильство находилось в стадии становления.

Таким образом, зарубежные акции Ригера были направлены на то, чтобы так или иначе повернуть внешнеполитический курс монархии Габсбургов.

Мероприятиями по поиску союзников стали: поездка Ригера в Париж, участие в Славянском съезде 1867 г. в России, контакты с принцем Жеромом Наполеоном в Праге в 1868 г., аудиенция у Наполеона III в 1869 г. Также чешский политик курировал закулисную деятельность Яна Вацлика в России. Помимо этого, лидер старочехов стал инициатором «Промемории чешских либеральных политиков о внешней политике» в 1870 г. Активно вел Ригер и переговоры с российским и французским представителями в Вене в период подготовки Фундаментальных статей в 1871 г.

Однако поиск зарубежных союзников обернулся провалом. Чешский вопрос так и не был решен в монархии Габсбургов, а империя не стала федерацией равноправных народов.

Почему Ригер потерпел неудачу? Он действовал в крайне нестабильное время на международной арене. Причем сам он видел в этой неустойчивости благоприятный фактор, но его надежды оказались просчетами. Изменение внутриполитической ситуации в России и Франции, подвижки в международной конъюнктуре фактически поставили под удар замыслы Ригера. Очевидно, что политика иногда подводило его чутье. Так, заключение союза одновременно с Францией и Россией в то время было просто невозможно: если первая двигалась к войне с Пруссией, то вторая пошла с ней на сближение.

Кроме того, Ригер во время своих поездок не осознавал, что концепция чешского государственного права и ее реализация ни для какой крупной европейской державы на тот момент не представляла особого интереса на поле большой политики¹².

Фигура Ригера неотъемлемо связана с историей франкофильства и русофильства в чешском обществе. Важно отметить, что его невозможно назвать ни чистым франкофилом, ни ярким русофилом. Лидер старочехов использовал в своих целях оба вектора. И если с Россией у чешского общества уже существовали устойчивые связи, то в сфере становления чешско-французских отношений он выступил одним из первых.

Примечания

- ¹ О взаимосвязи «чешской внутренней» и «внешней» политики См.: Urban O. Est-ce que la politique extérieure tchèque existe avant 1914? // La France et l'Europe Centrale (1867–1914). Bratislava, 1995.
- ² См. подробнее: *Медяков А. С.* Между Востоком и Западом: международная политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1865–1871). М., 2010.
- ³ Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV. Z let 1865–1867. Praha, 1888. S. 226–227.
- ⁴ *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F.L. Riegra a F. Palackého (40.–70. léta) // F.L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. Století. Sborník referátů z vědecké conference konané ve dnech 25. a 26. dubna 2003 v Semilech. Semily, 2003. S. 66.
- ⁵ *Киселькова Н. В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50–е–70–е гг. XIX в. (по материалам архива М. Ф. Раевского): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Киселькова Наталья Витальевна. Москва, 2008. С. 116.
- ⁶ *Doubek V.* Velikost Ruska a národní zájem české politiky // «Slavme slavně slávu Slávův slavných». Slovanství a česká kultura 19. století. Sborník příspěvků z 25. ročníků symposia k problematice 19. století, Plzeň, 24.–26. února 2005. Praha, 2005. S. 30–31.
- ⁷ *Idem.* Obraz Ruska ... S. 64–66.
- ⁸ *Киселькова Н. В.* Российский фактор... С. 125.
- ⁹ *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1918). Praha, 2004. S. 122.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 128.
- ¹¹ *Ibid.* S. 127–128.
- ¹² *Velké dějiny země Koruny české.* Svazek XII. a 1860–1890. Praha–Litomyšl, 2012. S. 185.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.3

К. В. Мельчакова

«Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е гг. (по материалам донесений российских консулов)*

На территории Боснийского вилайета Османской империи располагались три православные епархии¹: Герцего-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».